Master Negative Storage Number

OCI00054.03

Korolenko

Priemysh

Moskva

1894

Reel: 54 Title: 3

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCI00054.03

Control Number: AEP-6187
OCLC Number : 31043009
Call Number : W 381.5917N Sa78c no. 2
Author : Korolenko, Vladimir Galaktionovich, 1853-1921.
Title : Priemysh : (byl' / Vlad. Korolenko ; s risunkami E. Bemi V. Perepletchikova.
Imprint : Moskva : Tip. I. Ermakova, 1894.
Format : 18 p. ; 18 cm.
Note : "No. 119."
Note : Illustrated covers.
Subject : Chapbooks, Russian.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 10/31/94
Camera Operator: RT

Пріемышъ.
Разсказъ
В. Короленко.

ПРІЕМЫШЪ.

(БЫЛЬ).

ВЛАД. КОРОЛЕНКО.

СЪ РИСУНКАМИ

Е. Бёмъ и В. Переплетчикова.

№ 119

МОСКВА.
Тип. И. Ермакова. Пятницкая ул., близъ Серпуховск. воротъ, с. д.
1894

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 марта 1894 г.

ПРІЕМЫШЪ

(Быль.)

I.

Пришлось мнѣ какъ-то идти путемъ-дорогой по Заволжью. Ужъ и сторонка! — Скучная сторона для того, кто, какъ я напримѣръ, привыкъ къ простору и раздолью степей и широкихъ распаханныхъ нивъ! Лѣса темные, дремучіе, среди лѣсовъ болотины ржавыя, рѣки по лѣсамъ текутъ бурыя да мутныя. Народъ лѣсной видомъ сумраченъ и непривѣтливъ. А какъ разговоришься, да познакомишься — такіе же люди, пожалуй только попроще да подобрѣе...

Солнце клонилось уже къ лѣсамъ, когда, усталый, вышелъ я на небольшую полянку,

надъ берегомъ рѣки. На песчаной отмели увидѣлъ я рыбацкій челнокъ „ботничокъ", а у челнока босая дѣвочка лѣтъ восьми возилась съ тяжелымъ для нея весломъ и какими-то еще рыбацкими снарядами. Я остановился невдалекѣ, боясь испугать дѣвочку своимъ внезапнымъ появленіемъ. Робокъ лѣсной народъ, а ужъ дѣтвора, — и говорить нечего. Не разъ приходилось мнѣ, своимъ городскимъ видомъ и одеждой, вспугивать деревенскихъ ребятъ, точно стаи пугливой птицы.

И дѣйствительно, когда дѣвочка повернулась ко мнѣ, ея синіе глаза вдругъ стали круглы, губы опустились книзу, и весло выпало изъ рукъ.

— Не бойся, умница, — сказалъ я помягче. — Я тебѣ дурного не сдѣлаю. Скажи ты мнѣ, какъ ближе пройти въ вашу деревню?

— Э... эвона, деревня-то.

Дѣйствительно, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, я увидѣлъ изъ-за кустовъ избушки деревни, сверкавшей окнами на вечернемъ солнцѣ.

— А тебѣ кого? — спросила дѣвочка смѣлѣе и съ любопытствомъ.

— Да мнѣ бы, вотъ, переночевать гдѣ-нибудь. Дѣло къ вечеру.

— Переночевать?.. Ступай къ Дарьѣ Ивановнѣ.

— А гдѣ она?

— Дарья Ивановна-то? Да ты Дарью Ивановну развѣ не знаешь?

— Да я здѣсь не бывалъ никогда.

— Ну, не бывалъ, такъ пуще тебѣ и знать. Погоди. Мужикъ ейный, Дарьи Ивановнинъ, тутъ недалече. Тятьки, ау! Степанъ Θедора-а-áчъ? — крикнула она нараспѣвъ, повернувшись къ рѣкѣ.

— А-а-а-ý! — отозвался откуда-то издалека глухой мужичій голосъ.

— Подь, Степанъ Θедара-а-чъ, сюда-ý!..

Черезъ минуту на берегу показалась фигура мужика, безъ шапки, съ лохматыми волосами, босого и съ грязною сѣтей на спинѣ. Онъ шелъ, опустивъ голову, пошатываясь, будто сонный, и нѣсколько разъ споткнулся на ходу. Дѣвочка смотрѣла на него веселыми, смѣющимися глазами.

— Вишь, шатаетъ его. Ты можетъ и подумаешь — пьяный онъ? Нѣтъ, не пьяной, ночи не спитъ, все на рѣкѣ на сѣжѣ сидитъ, рыбачитъ. Сняли у мужиковъ воды въ картома, вотъ тутъ повыше омутовъ. Мамка, Дарья Ивановна, говоритъ: „не снимай“, а онъ не послушался: „сниму!“ — говоритъ. Пять рублей отдалъ. А рыба,

слышь, и не идетъ къ нему... Вотъ онъ и старается...

— Да онъ тебѣ тятька, что ли? — спросилъ я удивляясь, что она зоветъ мужика то тятькой, то по имени и отчеству.

Дѣвочка не отвѣтила. Въ это время рыбакъ, немолодой, угрюмаго вида, подошелъ уже къ намъ, не скидая сѣтей, онъ остановился, посмотрѣлъ на меня отяжелѣвшими отъ безсонницы глазами и спросилъ:

— Чьи будете?

— Нежегородскій, — отвѣтилъ я. — Мнѣ бы переночевать.

— Можно. Ступай, когда такъ, за мной.

И онъ пошелъ впередъ, все такъ же спотыкаясь на ходу, будто вотъ-вотъ свалится и заснетъ у тропинки.

— Опять ни одной рыбешки не поймалъ, — сказала дѣвочка. — Мотри, свалишься еще...

Мужикъ промолчалъ. Мы вошли въ улицу небольшой деревнюшки. Окна ея смотрѣли на рѣку, а задворки подходили вплоть къ лѣсной опушкѣ.

Глухой, медвѣжій уголъ, — подумалъ я невольно, взглядывая на своего суроваго провожатаго.

Хозяйка, Дарья Ивановна, встрѣтила меня, впрочемъ, очень привѣтливо и радушно.

Это была совсѣмъ еще молодая на видъ женщина, съ ласковыми, спокойными пріемами и добрыми, красивыми глазами, въ которыхъ повременамъ, когда она взглядывала на дремотнаго мужика, искрилась лукавая усмѣшка, какъ и у дѣвочки. Степанъ Ѳедорычъ какъ-то уныло усѣлся на лавкѣ и клевалъ носомъ.

— Много ли наловилъ, рыбакъ?—спросила хозяйка и переглянулась съ дѣвочкой; обѣ при этомъ улыбнулись.—Эхъ ты, горе рыбакъ! Слушался бы меня, лучше было бы.

— Говори!—отвѣтилъ Степанъ угрюмо.—Вотъ пойдетъ изъ омутовъ, поспѣвай только вынимать.

— Неужто опять сидѣть станешь всю ночь?

— Пойти, изготовить снасть.

Упрямый мужикъ поднялся и сонно поплелся изъ избы, а хозяйка стала готовить къ ужину. Дѣвочка помогала матери.

— Дочка-то какъ на тебя похожа,—сказалъ я:—только глаза да волосы посвѣтлѣе.

Женщина какъ-то странно улыбнулась и покраснѣла.

— А старикъ—мужъ тебѣ?

Она покраснѣла еще больше, до самыхъ ушей, и даже закрыла лицо широкимъ узорно расшитымъ рукавомъ.

— Мужъ. Да онъ и не старъ еще годами-те противъ меня. Работа да горе!.. Да

теперь вотъ суется еще, какъ сонная муха, почитай недѣлю не спитъ, съ рыбой связался... Забота! А пуще всего кручина извела его, какъ сынокъ у насъ померъ. Двадцатый годъ пойдетъ съ Филипповокъ, какъ въ сыру землю Мишаньку уложили.

— Двадцатый годъ? — удивился я, глядя на зардѣвшееся румянцемъ моложавое лицо Дарьи Ивановны.

— Да! Мнѣ вѣдь уже сорокъ два года... Никто не вѣритъ... И то еще горе извело. Сколь много слезъ мы пролили.... Дѣтей Господь-Батюшка больше не далъ.

— А дѣвочка эта?...

— То-то вотъ, говоришь ты: „похожа!“ А она у меня богоданная, пріемышъ, — сказала Дарья Ивановна, ласково и какъ-то серьезно гладя рукой бѣлокурую головку прильнувшей къ ней дѣвочки.—Да все меня, дурушка, мамкой зоветъ, а у ней вѣдь и родная-те мать жива, такъ ту, слышь, долго все „чужой тетей“ звала. Насилу я ее, дурочку, выучила. Грѣхъ вѣдь! Вотъ теперь двѣ мамки у ней. Да и у меня она тоже за двухъ: за дочку да за сыночка, за Мишаньку.

Она вздохнула и выраженіе глубокой, незабываемой грусти тихо легло на лицо, смѣняя стыдливый румянецъ. Тонкими пальцами загорѣлой, но все же красивой руки она перебирала сборки на рукавѣ прижимавшейся къ ней дѣвочки. Дѣвочка затихла и смотрѣла ей въ лицо, снизу вверхъ, какъ будто и ей интересно было слышать дальнѣйшій разсказъ про умершаго мальчика. Было что-то глубоко захватывающее въ молчаніи матери, посвященномъ любимой тѣни.

— Ужъ и красавчикъ былъ, ужъ и умной. Не я одна скажу,—кто зналъ, всѣ дивились на него. Разговоръ имѣлъ пріятный да степенный, иному взрослому впору, да и то еще кто поумнѣе. Право. Бывало, сторонніе люди зайдутъ, послушаютъ, такъ только головами качали. Если-молъ Богъ этому младенцу дозволитъ въ возрастъ взойти,—увидятъ отъ него родители себѣ утѣху. Да, вишь, Господь-то Батюшка...

Она низко опустила голову и прижала дѣвочку къ груди, какъ будто въ томъ мѣстѣ у нея заболѣла старая рана...

— Ему, Батюшкѣ, сказываютъ, самому эдакіе нужны... Какъ во гробикѣ-то лежалъ, ужъ мы плакали, плакали... Потомъ въ пустой-те избѣ—тоже... Ровно свѣтъ изъ дому навѣки ушелъ... Онъ (мужа она все называла въ третьемъ лицѣ)—*онъ* у меня извелся съ той поры, — постарѣлъ, глазами ослабъ... все отъ слезы-те. Днемъ-то, знаешь, стыдно, крѣпится передъ людьми. А ночью и не выдержитъ, и завоетъ... Я за нимъ... Такъ вотъ и шло у насъ все,— плачемъ да тоскуемъ. Ужъ люди и то говорили: „спокою вы младенцу своему на томъ свѣту не даете; нѣшто можно этакъ?" Да что ты подѣлаешь, нѣтъ сердцу укороту нисколько. Пять годовъ прошло, а легче нѣтъ... Только разъ, ночью, вздремнула я маленько, — слышу, кто-то по избѣ прошелъ... Дунуло на меня, повѣяло чѣмъ-то, стала я ни жива, ни мертва. „Миша, родной! Ты что ли это?.." А сердце-те бьется, что пташка подстрѣлена,—вотъ умру, вотъ умру... „Я, говоритъ, мамонька. Пришелъ къ тебѣ,—послушай ты меня, что я скажу: не избыть тебѣ грѣшной тоски, не укоротить сердца, не дашь ты и мнѣ спокою-радости, покоЛь на сердце кого-нибудь не положишь"... „Мишанька, голубчикъ мой, кого жъ мнѣ на сердце положить,—нѣтъ тебя, ненагляднаго соколика... До конца

вѣку не избыть мнѣ горюшка"... Сама плачу, руками тянусь, а въ избѣ никогошенько не вижу. Услышалъ тутъ *онъ* у меня.— „Дарья, съ кѣмъ молъ баешь?" Разсказала я ему: „вотъ съ кѣмъ я баяла, Степанъ Ѳедорычъ". — Молись, говоритъ, Богу... Видно и впрямь грѣшно этакъ-то"...

„На утро стали мы вспоминать да умомъ раскидывать. Видно-молъ надо пріемыша взять,—къ тому рѣчь была Мишанькина, ни къ чему болѣ. По первоначалу-то будто противно подумать, ровно чужому Мишанькино добро отдавать. Потомъ свыклась. Только все съ *нимъ* согласу не было. *Онъ* говоритъ: „мальчика взять", а я и думать не могу. Ему-то, вишь, лестно, что помощникъ будетъ, а мнѣ какъ вспомнится Миша, такъ всѣ парни опротивѣютъ. Гдѣ же этакому другому быть, какъ онъ былъ? Только скверпословно ругаться да непочтеніе оказывать, на это ихъ возьми. Такъ и шло у насъ все: такъ все примѣриваемъ, да споримъ, да тоскуемъ.

„Да вишь, привелъ Богъ, по-моему вышло... Видно по Мишанькиному заступленію помиловалъ насъ Господь-Батюшка... Этто за рѣкой, въ деревнюшкѣ принесла дѣвка младенца... Согрѣшила бѣдная, да ужъ и муки же приняла: въ семействѣ и прежде у нихъ неладно было,—мачиха лютая и то

со свѣту сживала, а тутъ и-и. Боже мой, чего натерпѣлась дѣвонька моя. Извѣстно, мачихи-те рѣдко хорошія живутъ. По настоящему-то разсудить, такъ можетъ и тотъ дѣвкинъ грѣхъ мачихѣ замаливать надо. Потому что—первое дѣло—ейное несмотрѣніе, второе дѣло: иная дѣвка отъ невзгодья отъ одного, дома-то свѣту-радости не видя, на грѣхъ пойдетъ. Тоже вѣдь—живой человѣкъ, тоже ласки захочетъ. Ну, и повѣритъ наша сестра другому подлецу. А тамъ и плачь всю жизнь, проклинай свою дѣвичью долю непокрытую, а онъ, хахалишко, извѣстно, другую дуру обманываетъ... Такъ вотъ и съ ней. Принесла ребеночка, мачиха съ глазъ долой согнала. Въ чужихъ людяхъ жить, самъ знаешь, съ ребенкомъ-те маята, да еще всѣ смѣются, да ото всѣхъ попреки... Бьется, бѣдная, бьется, до того, говоритъ, добилась, что взять младенца на руки да въ омутъ головой и съ ребенкомъ-те.

„Только женщина попалась ей одна изъ нашего села и научила: вотъ что, говоритъ: Степанъ у насъ Ѳедоровъ съ Дарьей Ивановной больно объ сынѣ тоскуютъ. Попытай имъ отдать младенца. Ежели, говоритъ, судилъ ей Богъ судьбу, то не иначе, что у нихъ судьба эта находится“.

„Ну, вотъ, уѣхалъ мой Степанъ Ѳедо-

разъ въ лѣтѣ, одна я ноченьку ночевала, одна-одинешенька съ тоской со своей. Лежу на полатяхъ; спать не сплю, все думаю. Только слышу — мимо избы прошелъ кто-то. Слушаю-послушаю, нѣтъ будто никого. Да вдругъ кто-то въ оконце стукнулъ разъ и другой. Подошла я къ окну, — ночь лунная, ясная, на травѣ каждая тебѣ росинка видна, а подъ окномъ никого. Упало у меня сердце, — отошла я отъ окна, къ стѣнкѣ прислонилась. Вдругъ рука опять да по стеклу тихонечко стукъ-стукъ... Я къ окну, гляжу: у стѣнки кто-то жмется, хоронится. Присѣла я на лавку, — Господи, что такое? А сердце-то колотится, ровно въ ту ночь, когда Мишанька приходилъ. Встала я, перекрестилась и говорю: „кто тутъ хоронится? Выходите, коли добрые люди!“ Выходитъ тутъ перво-на-перво наша деревенская старушка къ окну. — „Не бойся, говоритъ, Дарья, не съ худымъ пришли“, а та вся жмется... И вижу я, у той полотенчикомъ на груди ребеночекъ подвязанъ... Господи-Батюшко! Потемнѣло у меня въ глазахъ, ноженьки задрожали, руками за лавку держусь, а то бы упала. Вспомнила слово Мишаньку, думаю — судьба ко мнѣ идетъ. Замужъ шла, — нѣтъ тебѣ: далеко этакого страха не было.

„Подошла наша женщина къ окну; „пу-

сти, говоритъ, Ивановна". — „Пошто, говорю, васъ ночь-полночь въ избу пускать?.." Ну, да сама все-таки дверь отворяю, огня не вздуваючи,—только мѣсяцъ полный въ окна свѣтитъ. Переступили онѣ порогъ, а я стою передъ ней, передъ дѣвкой-то, ни жива, ни мертва, ровно казнить-миловать она меня пришла. И стыдно-то мнѣ, и страшно-то, и боюсь, — ну, вдругъ уйдетъ она отъ меня? А младенецъ - то спитъ у ней въ полотенчикѣ, не слышитъ... Ну, женщина наша и говоритъ ей: „кланяйся, дѣвка, въ ноги!..“ Поклонилась она мнѣ въ ноги, да у ногъ ребеночка положила, припала къ нему, плачетъ. Подняла я ее, ребеночка принимаю; горитъ у меня въ рукахъ, не знаю—брать, не знаю—не брать... И она-то сама отдаетъ, сама держитъ... И обѣ мы плачемъ...

„Охъ, и помню я, добрые люди, ту ноченьку, мѣсячную, не забыть мнѣ ея будетъ до конца моей жизни...

„На зарѣ ушли онѣ; обмыла я дитю, обрядила, свою рубаху тотчасъ перешила, уложила въ корзиночку, сижу, жду его, Степана-то моего Ѳедоровича. И опять мнѣ молодой стыдъ, да боязно, да заботушка. Ровно, вотъ, безъ мужа, сама я принесла, право. Вижу: пріѣхалъ, идетъ по крыль-

цу,—я не встрѣчала, не привѣчала, сижу на лавкѣ. Ребенокъ какъ разъ и скричи...

„— Это, молъ, что такое?

„— Это мальчика, говорю, Богъ тебѣ послалъ, Степанъ Ѳедырычъ...

„Поди вотъ! И зачѣмъ солгала передъ *нимъ*—не знаю, не вѣдаю. А ужъ гдѣ тутъ обмануть,—на минуту одну не обманешь! и рубашенка-то по-женски на двое шита. Подошелъ онъ къ корзинкѣ, поглядѣлъ...

„— Какой это мальчикъ? Дѣвочку взяла.—Больше ничего не сказалъ...

Она опять замолчала, тихо улыбаясь при воспоминаніи о немъ, о своемъ Степанѣ Ѳедоровичѣ, котораго она переупрямила и хотѣла еще обмануть. Мнѣ вспомнилось суровое лицо хозяина, и теперь оно показалось мнѣ гораздо пріятнѣе.

— Мамка,—тихо спросила дѣвочка, отводя лицо отъ ея груди.

— Что, Марьюшка?

— Это я была дѣвочка-то?

— Ты, ты и была, глупая. Ужъ который разъ спрашиваешь... А ужъ и горя-те,—и маяты-те что я съ тобой приняла! Просто не приведи Создатель. Хворая была, да скверная, да вся въ струпьяхъ, да все крикомъ кричитъ, бывало, отъ зари до зари. Сердце все, что есть, изболѣло у меня съ нею,

Ночь бьешься-бьешься, силушки нѣту. —
„Изведешься ты у меня, Дарья, — говоритъ, бывало, Степанъ-то Ѳедорычъ. Не дозволяю тебѣ, говоритъ, этакъ-то изводиться. Завтра же неси ее къ матери“. Ну, тутъ ужъ я молчу, не поперечу. А день придетъ, я опять: „подождемъ еще, что будетъ, что Господь дастъ“. Онъ у меня отходчивъ, Степанъ-отъ Ѳедорычъ, — и махнетъ рукой.

Она помолчала, тихо улыбаясь.

— Сказывалъ мнѣ послѣ старичекъ одинъ. Умный старикъ. „Это, говоритъ, ты такъ понимай, что Господь-Батюшка въ болѣзнякъ младенца — милости къ тебѣ являлъ. Нѣшто чужая дѣвочка стала бы тебѣ за родного сына, котораго ты подъ сердцемъ носила, еще ли бы не переболѣло у тебя изъ-за нея все сердечушко-то заново“. Пожалуй, и правда это: я ее въ утробѣ не носила, грудью не кормила, такъ за то слезой изошла да сердцемъ переболѣла. Оттого иная и мать не любитъ такъ, что я ее, пріемыша свово, люблю. Этто хворь по дѣтямъ ходила, ударило и ее у меня этой хворью. Ужъ я плакала-плакала. — Господи-Батюшка! — думаю себѣ, — и отколь у меня столь много слезъ за нее, откуда только льется ихъ такая сила“.

Она смолкла... Дѣвочка тянулась къ ней съ улыбкой баловницы-дочери. За окномъ

чирикала какая-то вечерняя пташка, и казалось, последній лучъ солнца медлилъ уходить изъ избы, золотя бѣлокурую головку ребенка, заливая яркимъ багрянцемъ раскраснѣвшееся лицо поздней красавицы, любовью и болью сердечной завоевавшей себѣ новое материнство.

III.

Рано утромъ на слѣдующій день, солнце только еще подымалось надъ лѣсомъ, надъ рѣкой колыхался еще бѣлый туманъ, — когда Дарья провожала меня за околицу, чтобы указать дорогу. Выйдя на вчерашнюю поляну, мы увидѣли Степана. Все такой же сонный, онъ вытаскивалъ на берегъ свой востроносый ботничокъ съ помощью дѣвочки-пріемыша. Увидя насъ, дѣвочка запрыгала на пескѣ и захлопала въ ладоши.

— Погляди, погляди-кось, мамка, сколь онъ рыбы наловилъ. И окуни, и жерехи, и всякіе... да какіе бо-о-льшущія... Погляди, а ты погляди...

Мы подошли поближе. Дѣйствительно въ серединѣ ботничка, въ лужѣ воды, прикрытыя сѣтью, бились и плескались, сверкая чешуей, крупныя рыбы.

Дарья слегка нагнулась къ лодкѣ и за-

глянула туда съ притворной улыбкой пренебреженія, но затѣмъ съ видимымъ удовольствіемъ посмотрѣла на мужа, еще болѣе всчерашняго одержимаго дремотой, но все-таки торжествующаго.

— То-то вотъ! А еще смѣялась все!—сказалъ онъ, ухмыляясь.—Не все вѣдь и по-твоему-то выходитъ. Говорю: изъ омутовъ обязана она подняться. Вотъ и пошла на зарѣ на самой. Теперь недѣли двѣ все будетъ уловъ...

— Ну-ну! Ступай ужо, выспись! —отвѣтила Дарья ласково.—Мы съ Марьюшкой все донесемъ. Ой, да и много же наловилъ, въ самомъ дѣлѣ...

Они втроемъ пошли къ огородамъ; а я отправился дальше своей страннической дорогой.

Этотъ день мнѣ какъ-то легко было пробираться глухими лѣсными тропами.

Конецъ.

